

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГРОВЕДОВ

21—24 сентября 1960 г. в Будапеште проходил VI Международный конгресс финно-угроведов. В работе Конгресса приняли участие ученые Венгрии, Финляндии, Советского Союза, Германской Демократической Республики, США, Югославии и других стран.

Советские ученые, впервые участвовавшие в работе Конгресса финно-угроведов, прибыли в числе двадцати пяти человек. Советскими учеными было прочитано 11 докладов по языковедению, археологии и этнографии. Впервые в работе Конгресса финно-угроведов приняли участие представители ряда финно-угорских народов СССР — марий, мордвы, удмуртов и коми.

В своем вступительном слове Д. Ортутаи (Будапешт) отметил большое значение Конгресса для развития финно-угроведения и важность контакта ученых разных стран, особенно финских, немецких и венгерских, с советскими учеными, представителями финно-угорских и славянских народов. Он подчеркнул конкретность научных проблем, поставленных на обсуждение данного Конгресса, в отличие от конгрессов прошлых лет. Д. Ортутаи отметил содружество представителей трех наук — лингвистов, этнографов и археологов — и указал на большое значение комплексного метода исследования, предложенного советскими учеными, а также на необходимость выработки правильных основ сравнительно-исторического метода.

На трех пленарных заседаниях были заслушаны основные доклады по языкознанию (Г. Барци, Будапешт), археологии (В. Н. Чернецов, Москва) и этнографии (К. Вилкуна, Хельсинки). Кроме того, четыре лингвистические секции — финно-угорская, прибалтийско-финская, угорская и самоедская и угорская — провели семь заседаний; работали также этнографическая, этногенетическая и антропологическая и литературная секции. Всего на заседаниях секций было прочитано около 60 докладов; из них большая часть была посвящена лингвистическим исследованиям¹.

Надо отметить, что Конгресс в основном имел лингвистический характер, и это отразилось на тематике докладов. Этнографов на Конгрессе было мало, этнографические доклады были посвящены либо информации о работе этнографических учреждений, либо частным вопросам.

Основной доклад по этнографии К. Вилкуна — «Финно-угорская этнография» — был посвящен современным задачам, стоящим перед финно-угорской этнографией, и методам ее исследования. Докладчик подверг детальному анализу развитие финно-угорской этнографии (этнологии, по финской терминологии) более чем за 50 лет, отметил заслуги ряда ее представителей (А. Рёгүли, П. Хунфальви, А. И. Шегрен, М. А. Кастрен, Е. Н. Сетэлэ, У. Т. Сирелиус, Я. Янко, И. Маннинен). Подробно остановившись на эволюционном и культурно-историческом направлениях в финно-угроведении и указав на их достижения для своего времени (выработка типологического историко-генетического метода, обширность собранных материалов и широта сравнений, анализ заимствований в культурах и пр.), он показал и недостатки этих направлений (априорность, схематичность, произвольность умозрительных построений, ограничение задач этнографии только изучением так называемых примитивных культур и др.). К. Вилкуна особенно подчеркнул значение работ Е. Н. Сетэлэ, доказавшего родство финно-угорских и самоедских языков и культур и призывавшего к содружеству таких наук, как этнография, археология, социология, филология (фольклористика), а также работ И. Маннинена, впервые установившего отсутствие единства в культурном развитии финно-угорских народов и большую роль нивелирующего влияния на эти народы русской, тюрко-татарской и самоедской культур.

К. Вилкуна высказал мысль о необходимости тщательного изучения финно-угроведом не только финно-угорских народов, но и их окружения. Принимая во внимание

¹ Мы не останавливаемся здесь на всех докладах, относящихся к области лингвистики

прошлое финно-угорских народов, их взаимодействие с соседними, нефинно-угорскими народами, К. Вилкуна показал, что сфера финно-угроведения — не только районы расселения финно-угров, но и вся Северо-Восточная Европа. В связи с этим он говорил о возможности выделения ряда этнографических культурных областей и групп.

Основное значение для такого районирования имеет систематический сбор полевых материалов. Докладчик отметил, что в Венгрии, Финляндии и частично в СССР (Эстония) работа по сбору материалов уже почти завершена, в других же областях Советского Союза работают многочисленные экспедиции. Одной из задач современного финно-угроведения он считает координацию исследовательских работ ученых названных стран. Постоянной задачей финно-угроведов, заметил докладчик, остается исследование различных факторов, повлиявших на формирование финно-угорских народов. Поэтому координировать работу ученых Венгрии, Финляндии, СССР необходимо так, чтобы в этих странах ставились сходные проблемы для последующих широких сравнений и обобщающих выводов. В СССР предстоит много работы в области изучения народов, соседних с финно-угорскими. Для изучения прародины финно-угров большое значение имеет совместная работа археологов, антропологов, этнографов и лингвистов.

К. Вилкуна определил ряд задач современного финно-угроведения. Как возникли финно-угорские языки и народы? Какие этнические и языковые взаимодействия характерны для этих народов в прошлом? К какой антропологической группе относятся ранние финно-угорские племена? Какие из древних культур Восточной Европы связаны с финно-уграми? В каких направлениях развивались затем различные финно-угорские культуры? Для ответа на эти вопросы необходимо проделать большую собирательскую и обобщающую работу.

На двух заседаниях этнографической секции было прочитано восемь докладов.

Я. Симонсуури (Хельсинки) прочел доклад «О систематике финских мифических преданий», в котором он подвел итоги предшествующим исследованиям в этой области и дал собственную детально разработанную систематику различных преданий, верований и пр. А. Вилкуна (Лунд) сделал доклад «О финском духе-защитнике», в котором отметил, что древние представления о духе-защитнике живут в виде пережиточных представлений о домовых, водяных и прочих духах.

Два доклада — Л. Викара и Д. Сомьяш-Шиффerta (Будапешт) — были посвящены народной музыке (марийской и венгерской) и сопровождалась магнитофонными записями.

В докладе Я. Кодолани (Будапешт) было освещено значение коллекции венгерских финно-угроведов К. Папая и Я. Янко для исследования культуры обских угров.

Доклады В. Н. Белицер (Москва) «Основные итоги этнографического изучения финно-угорских народов в СССР за последние два десятилетия» и Н. Валонена (Хельсинки) «О работе этнографического отдела Финского национального музея» имели информационный характер. В. Н. Белицер сообщила, по каким проблемам идет развитие финно-угроведения в СССР, какие учреждения ведут эту работу, какие задачи ставят перед собой советские финно-угроведы. Ее выступление значительно дополнило доклад К. Вилкуна, посвященный в основном развитию финно-угроведения в Финляндии и Венгрии.

Н. Валонен в своем докладе показал, что Финский национальный музей ведет большую собирательскую и исследовательскую работу среди финнов и саамов, изучая их материальную и духовную культуру. Доклад сопровождался показом двух прекрасных этнографических фильмов, снятых сотрудниками музея (о финской свадьбе и о саамах).

В докладе З. П. Соколовой (Москва) были подняты некоторые вопросы, относящиеся к истории жилища обских угров. Углубленные в землю шатровые (пирамидальные) обско-угорские жилища связаны, по мнению докладчика, с землянками, обнаруженными археологами на территории Западной Сибири. Шатровая землянка — один из древнейших типов зимнего жилища предков обских угров; развитие ее выразилось в постепенном уменьшении ее размеров и глубины жилищной ямы. Тип этого жилища имеет аналогии у ряда сибирских и североамериканских народов и является, очевидно, древнесибирским.

Основной доклад по археологии — «Древнейший период истории народов уральской общности» — прочел В. Н. Чернецов. Уральскую «прародину» докладчик, как и в ряде своих работ, локализует в Приуралье (периода позднего мезолита), когда, по его мнению, из данной этно-культурной общности могли выделиться две ветви — прасамоедская и праюкагирская. Финно-угорская общность связывается В. Н. Чернецовым с ранним неолитом Зауралья, откуда на запад проникает также довольно ранняя ветвь, достигающая Карелии (керамика типа Сперрингс). В это время осуществляются праугорские, прасамоедские и праюкагирские контакты, и на этой основе, видимо, создается протосаамская культура. Прасамоедская ветвь локализуется в лесостепной и лесной зонах на востоке Омской области вплоть до Енисея; в конце эпохи брзсы она под давлением с юга разделяется на две группы: одна из них уходит в горные районы Саян, другая — в низовья Енисея. Праюкагирскую ветвь, возможно, следует видеть в хиньском типе культуры на Ангаре и в Прибайкалье.

Во второй половине III тысячелетия до н. э. из финно-угорской общности выделилась финно-пермская ветвь (в районе Камы, культура с гребенчатой керамикой), волжская группа (в районе Оки, культура ямочно-гребенчатой керамики) и праугорская группа (Урал, Восточное Зауралье, тайга и лесостепь Обь-Иртышья, культуры с гребенчато-струйчатой керамикой).

Урало-приобские неолитические культуры послужили основой для сложения культур бронзы с вариантами: уральским (основа мансийской культуры), нижнеобским (основа хантыйской культуры) и омским (основа культуры венгров, ушедших затем на запад).

По докладу В. Н. Чернецова выступило несколько венгерских археологов и антропологов, отметивших большую и успешную работу докладчика в области финно-угроведения.

На двух заседаниях этногенетической и антропологической секции было заслушано восемь докладов по археологии и антропологии в связи с лингвистикой и этнографией финно-угорских народов.

Д. Ласло (Будапешт) прочел доклад на тему «Древнейшие этапы праистории финно-угров». В противовес В. Н. Чернецову, прародину финно-угров он локализует в области от Риги до Окской долины, т. е. на территории распространения свидерской культуры и культуры Кунда. Его аргументация основывалась на литературных источниках. Д. Ласло, исходя из письменных данных, а также данных биогеографии, считает, что древнейшей территорией расселения финно-угров является область, где в период существования уральской общности были распространены сосна и береза. Это его заключение основано на том, что растительно-географические (и зоогеографические) термины в урало-финно-угорских языках делятся на три группы: слова первой группы, относящиеся к сосне и березе, являются общими для уральских языков в целом; слова второй группы, относящиеся к лиственному лесу, — общие для языков финно-угорских народов, живущих западнее обско-угорско-самоедских народов; наконец, слова третьей группы, включающие названия таежных деревьев, — общие для этой последней группы народов. Это означает, говорит докладчик, что слова второй и третьей групп образовались в среде уже разделившейся уральской общности.

Поздние фазы свидерской культуры Д. Ласло считает основой формирования культуры гребенчатой керамики, поздние дериваты которой связаны уже с финно-уграми. В связь с ней он ставит культуру Кунда, а обе эти культуры — с саамами, ушедшими позднее к северу. Шигирскую культуру он связывает с протосамоедами. Южная ямочно-гребенчатая керамика, по его мнению, оказала влияние на уже разделившуюся финно-угорско-самоедскую группу народов.

Предысторию уральской общности докладчик относит к концу палеолита, считая, что она образовалась от ветви позднемикролитической культуры. Во II тысячелетии до н. э. предки позднейших венгров жили в лесостепи на излучине Волги, где их и находят первые исторические источники.

Л. А. Голубова (Москва) в докладе «Археологические памятники веси на Белом озере» сообщила о впервые выявленных археологических памятниках веси, до сих пор на Белом озере не известных. Она связала с вёсью погребения с ориентировкой головы на юг и север в грунтовых могилах и под курганными насыпями, отмеченные большим количеством шумящих подвесок и зооморфных украшений, известных в разных местах Белоозерья XI—XIII вв. Л. А. Голубовой выделена и своеобразная лепная керамика, происходящая как из этих погребений, так и из древнейшего поселения X в. на Белоозере. Эта керамика отличается от славянской как своими формами, так и орнаментацией твердым гребенчатым штампом. В древнейшем культурном слое Белоозера найдены предметы (бронзовые оковки кресал, шумящие подвески, форма для литья очевидных подвесок), указывающие на угро-финскую этническую среду первоначальных насельников Белоозера, что подтверждает указания летописи («на Белоозере сеять вёсь»). О мирном характере проникновения славян в среду веси на Белом озере свидетельствует отсутствие здесь укрепленных поселений в X—XI вв.

Б. Гунда (Дебрецен) в докладе «Палеоазиатские элементы в культуре обских угров» на материалах рыболовных орудий, жилища, мифологических данных показал широкие связи обско-угорской культуры с древними палеоазиатскими слоями сибирской культуры.

Молодые венгерские археологи Э. Ойтози и И. Эрдейи в докладе «Неволинское кладбище» обобщили материалы А. В. Шмидта, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде.

О. Прицак (Гамбург) сделал доклад «О происхождении половцев», Э. Моор (Сегед) — «Предки венгров переправляются через Волгу». Оба доклада основаны на анализе литературных данных.

Венгерские антропологи прочитали три доклада: Т. Тот «Тючко-финские связи по реке Белой» (о мишарях р. Белой), Л. Бартуц «Финно-угорские связи венгерской антропологии» (о вопросах развития венгерской антропологии), П. Липтак «Некоторые вопросы этногенеза угров на основе палеоантропологического материала». Л. Бартуц и П. Липтак указали на заслуги К. Папая, Я. Янко и других венгерских исследователей в изучении антропологического типа угорских народов. Древнюю родину венгров П. Липтак локализует на Средней Волге и Каме, связывая их историю

с хвалынской и ананьинской культурами. Он отметил связи венгров в отношении антропологии с зауральскими уграми, алтайскими и палеосибирскими народами.

На заседании литературной секции было прочитано три доклада: Г. Кепеш — «Калевала и венгерская поэзия», Т. Лю — «Венгерская литература в Финляндии», П. Дамокосш Пал — «Современная литература пермских народов».

В целом работа Конгресса была налажена очень четко и организованно. Венгерская Академия наук устроила прием в честь делегатов Конгресса, что содействовало установлению личных контактов и знакомств ученых разных стран. После закрытия Конгресса Академия наук организовала две экскурсии — в старинный город Эгер и на озеро Балатон. Участники Конгресса посетили также открывшуюся в дни Конгресса в зале Этнографического музея интересную выставку по этнографии обских угров. В честь Конгресса был устроен большой концерт, программа которого состояла из произведений финно-угорских народов.

3. Сколова

ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА АФРИКИ АН СССР, ПОСВЯЩЕННОЕ ПРОБЛЕМАМ КОНГО

22 ноября 1960 г. в Институте Африки состоялось заседание Ученого совета, посвященное проблемам Республики Конго. Открывая заседание, директор Института И. И. Потехин подчеркнул значение многих вопросов, связанных с борьбой конголезского народа за независимость.

События в Конго показали истинное лицо некоторых западных держав, готовых на любое преступление, лишь бы удержать свои позиции в Африке. Роль колониальных держав как душителей свободы народов была достаточно ясна и раньше; новое состоит в том, что против политики колонизаторов активно выступили свободные африканские государства. События в Конго имеют огромное международное значение, ибо они помогают прогрессивным силам Африки до конца разоблачить своих внешних и внутренних врагов.

События в Конго вновь показали, что империалистические державы используют Организацию Объединенных Наций в интересах колониализма. С другой стороны, конголезский кризис явился серьезной проверкой африканского единства; позиция в нем африканских государств заслуживает специального изучения.

Политические и этнические границы вновь создаваемых африканских государств не совпадают. Этнический состав этих государств чрезвычайно сложен. Это тяжелое наследие колониального режима создает огромные трудности в решении национального вопроса. В сложившихся условиях одна нация или иная этническая общность может занять господствующее положение в государстве, а это создает почву для движения под лозунгом «право наций на самоопределение», причем острее этого лозунга будет направляться уже не всегда против империализма. В новых условиях, когда лозунг о праве наций на самоопределение выдвигается в рамках уже политически независимых африканских государств, следует быть очень осторожным: необходимо прежде всего выяснить, в каких условиях, с какой целью и кем выдвигается этот лозунг, выяснить, имеем ли мы дело действительно с национальным движением или же с так называемым трибализмом. Поэтому особую важность в настоящее время приобретает изучение этнического состава африканских стран и отношений между народами, оказавшимися в пределах того или иного государства.

Что же произошло в Конго с этой точки зрения? Сепаратисты Чомбе, Калонжи и др. пытаются оправдать свои действия ссылками на национальные интересы народов, пытаются выдать сепаратистские движения за национальные движения. Они, в частности, заявляют, что провозглашение независимости горнорудного государства Касан сделано в интересах народа балуба. Внимательное изучение этого вопроса показывает, что сепаратистское движение Чомбе лишено всякой национальной основы. Разговоры о национальном самоопределении балуба необходимы для прикрытия реакционного сепаратистского движения, организованного империалистами.

Таким образом, события в Конго ставят перед советскими учеными много чрезвычайно важных вопросов. Советские африканисты, сказал в заключение И. И. Потехин, должны руководствоваться в своей работе задачами, связанными с антиколониальным и антиимпериалистическим движением на африканском континенте.

На заседании Ученого совета были заслушаны доклады В. А. Мартынова «Политические партии и развитие политической жизни в Конго с 1954 г.», К. С. Кремень «Профсоюзное движение в Конго», Н. И. Гаврилова «Монополистические компании в Конго», Б. И. Шаревской «Католические миссии в Конго», В. Н. Баскина «Кризис в Конго и бельгийский империализм», Н. И. Высоцкой «Трибализм и политическая борьба в Конго», В. Я. Карпушиной «Трибализм и политическая борьба в Руанда-Урунди».